

В. И. ЧУЕШОВ

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ УРОКАХ СТАНОВЛЕНИЯ БИЗНЕСА В БЕЛАРУСИ

Процесс формирования бизнеса (предпринимательства) в Беларуси, как, впрочем, и в других государствах СНГ, хотя и отличается от аналогичных процессов в западных странах, вполне уникальным в исторической пер-

188

спективе не является. В дореволюционной Беларуси существовал достаточно влиятельный слой предпринимателей. Изучение его социально-демографических характеристик и мировоззренческих ориентаций до сих пор является актуальной задачей отечественной исторической науки. В ее решении важно учесть уже раскрытую в литературе связь предпринимательской активности с православием и католицизмом, не упустив при этом из виду поликонфессиональность мировоззрения класса белорусских дореволюционных бизнесменов, взаимодействие отечественных и российских, польских традиций ведения бизнеса. Не менее злободневным является изучение путей формирования современной белорусской бизнес-элиты. Можно даже предположить, что для какой-то ее части связи с дореволюционным прошлым играли определенную роль. И все же более тесными должны были быть связи между современным белорусским предпринимательством и тем типом бизнеса, который существовал в Советской Беларуси в годы НЭПа, а также на территории Западной Беларуси до ее присоединения к БССР. Оставляя в стороне еще требующую своего изучения специфику западнобелорусского предпринимательства, здесь сконцентрируем внимание лишь на особенностях ведения бизнеса в Советской Беларуси, т. к. именно они являются одним из опосредствующих звеньев между дореволюционным и современным предпринимательством в Беларуси. Это предполагает специальное изучение процесса формирования и развития предпринимательской активности в БССР в годы НЭПа.

Данный процесс с процессом становления и укрепления предпринимательской деятельности в современной Беларуси не может не иметь некоторого сходства. Как известно, претворявшаяся в СССР новая экономическая политика предполагала разностороннее взаимодействие сильного государства диктатуры пролетариата, с одной стороны, и предпринимательской активности — с другой. Под сильным государством в годы НЭПа имелся в виду такой аппарат управления делами общества, который был способен с помощью организованного насилия и права эффективно контролировать предпринимательство. Конечно, политический вес предпринимательства и государства в то время был несопоставим. Их взаимодействие было по преимуществу односторонним, что в условиях 30-х гг. прошлого века проявилось в постоянно проводившихся судебных процессах предпринимателей (нэпманов). Вместе с тем предпринимательство было серьезной экономической силой. В СССР в 1925—1927 гг. доля занятых им составляла около 30 % всего занятого трудом населения. С другой стороны, по данным правоохранительных органов, 60 % всех хозяйственных преступлений совершалось именно в предпринимательском секторе. Советский исследователь

189

Ю. Ларин, опираясь на данные прокуратуры СССР, выделил девять видов (преступного) образования предпринимательского капитала и три типа предпринимателей в государстве диктатуры пролетариата. Проанализировав материалы сотен судебных процессов 30-х гг., он пришел к выводу о том, что по своей сути предприниматель являлся тогда либо, во-первых, «тайным агентом», или сообщником частного капитала в государственном аппарате, во-вторых, индивидом, ведущим не разрешенный законом бизнес под прикрытием государства, или, так сказать, лжегосударственным лицом, наконец, в-третьих, злостным контрагентом капитала, человеком-перевертышем. Следовательно, по мысли Ларина, советский бизнесмен был явным или тайным врагом государства.

Практически, конечно, стать предпринимателем в то время можно было только «за счет государства». Основными направлениями становления бизнеса были: незаконное использование, во-первых, неликвидных фондов; во-вторых, хищнической аренды; в-третьих, нелегальной скупки с целью последующей перепродажи товаров, произведенных на государственных предприятиях; в-четвертых, контрабанды; в-пятых, незаконно полученных государственных денежных кредитов; в-шестых, государственных займов; в-седьмых, валютных операций; в-восьмых, уклонение от налогов; и, в-девятых, создание подставных фирм и т. п.

По данным советской прокуратуры, социально-демографический состав отечественных предпринимателей в 30-х гг. складывался на пятьдесят три процента из государственных служащих, на восемь процентов из хозяйственных агентов, т. е. лиц, работавших по поручению государственных предприятий. Среди предпринимателей были также канцелярские служащие — 12 %, счетные служащие — 10 % и технический инженерный персонал — 17 %. Магистральным путем формирования предпринимательства в те годы было использование политического и экономического потенциала государства. Советскому бизнесмену, имевшему достаточно высокий (по тогдашним меркам) образовательный уровень, найти общий язык с государством было вполне по плечу. Лучше представить себе типичный портрет отечественного предпринимателя могут помочь описанные в исследовании Ю. Ларина взаимоотношения с сильным государством некоего бизнесмена из Ленинграда Семена Пляцкого. Пляцкий в бизнес пришел не случайно, т. к. еще до революции был известным металлоторговцем. После революции, став государственным служащим, он, по существу, только продолжил ведение предпринимательской деятельности в новых условиях. Характерная деталь из биографии этого бизнесмена. Начиная с 1921 г. он в течение пяти лет был участником восемнадцати судебных процессов и был связан более чем с тридцатью го-

сударственными предприятиями, хотя по итогам своей хозяйственной деятельности он регулярно платил многомиллионный подоходный налог. Для советских исследователей Пляцкий был примером предпринимателя — злостного контрагента, хотя формально и не нарушавшего законы, но занимавшегося враждебной для Советской власти деятельностью. На фоне непрекращающихся громких процессов предпринимателей Ленинграда, Москвы, закавказских республик сообщения об аналогичных процессах в Беларуси выглядели скромнее, если не сказать, что незаметно. В этом можно видеть одну из особенностей становления бизнеса на территории нашей республики. Сегодня, сравнивая между собой пути формирования предпринимательского капитала в СССР в годы НЭПа и в государствах, возникших на постсоветском пространстве, можно указать следующее.

Все уже известные нам девять направлений ведения предпринимательской деятельности в 30-х гг. в странах СНГ были использованы в полной мере. За состояниями некоторых российских олигархов-миллиардеров скрываются и нажива на неликвидных доходах, и спекуляции валютой, и использование государственных кредитов и займов — словом, все те экономические преступления, над которыми ломали голову работники прокуратуры в 30-е гг. Однако после распада СССР в странах СНГ не было сильного и эффективного государственного аппарата. Продолжение всестороннего анализа социально-демографического портрета, мировоззренческих ориентаций и направлений деятельности отечественных предпринимателей в наши дни является актуальной задачей отечественной науки. Ее решение могло бы внести заметный вклад в осмысление сути современной белорусской модели хозяйствования.

Важнейшими историческими и философскими вопросами при этом были бы следующие: обязательно ли развитие нашего предпринимательства связано с криминальной деятельностью и не является ли риторика соединения несоединимого наиболее адекватным мировоззрением и методом примирения духа отечественного предпринимательства, совести и права?